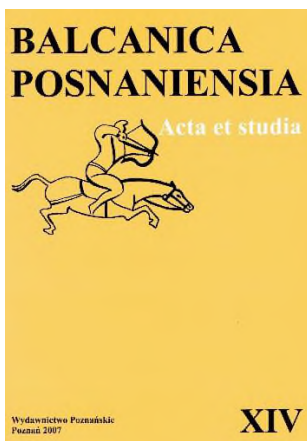

Вовина Варвара Г., *Кочевники Восточной Европы в русских летописях*, „Balkanica Posnaniensia. Acta et Studia” 2007, т. 14, с. 191–200.

<https://doi.org/10.14746/bp.2007.14.14>

<https://pressto.amu.edu.pl/index.php/bp/article/view/52838>

Instytucją przechowującą materiały źródłowe jest Biblioteka Collegium Historicum Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.

<http://bch.amu.edu.pl>

Zadanie zostało zrealizowane w ramach konkursu „Społeczna odpowiedzialność nauki II – Wsparcie dla bibliotek naukowych”. Projekt zatytułowany „Digitalizacja archiwalnych wydań czasopism naukowych zgromadzonych przez Bibliotekę Coll. Historicum UAM”. Projekt dofinansowany ze środków budżetu państwa, przyznanych przez Ministra Nauki w ramach Programu Społeczna odpowiedzialność nauki II. Wsparcie dla bibliotek naukowych (umowa nr BIBL/SP/0092/2024/02 z dnia 05.12.2024). Całkowita wartość projektu: 247 236,00 zł. Kwota dofinansowania: 220 836,00 zł.

The institution storing the source materials is the Library of the Collegium Historicum of the Adam Mickiewicz University in Poznań.

<http://bch.amu.edu.pl>

The task was carried out within the framework of the competition “Social Responsibility of Science II – Support for Scientific Libraries”. The project entitled “Digitization of archival editions of scientific journals collected by the Library of the Coll. Historicum of Adam Mickiewicz University”. The project was co-financed from state budget funds granted by the Minister of Science within the framework of the Programme Social Responsibility of Science II. Support for Scientific Libraries (agreement no. BIBL/SP/0092/2024/02 of 05.12.2024). Total value of the project: PLN 247,236.00. Amount of co-financing: PLN 220,836.00.

UNIwersytet
IM. ADAMA MICKIEWICZA
W POZNANIU

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Społeczna
Odpowiedzialność
Nauki II

КОЧЕВНИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

ВАРВАРА Г. ВОВИНА

ABSTRACT. Varvara Vovina, *Koczownicy Wschodniej Europy w latopisach rosyjskich* (Eastern European Nomads in Ruthenian Chronicles).

Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, XIV, Poznań 2007, Wydawnictwo Poznańskie, pp. 191-199. ISBN 9787-83-7177-359-4, ISSN 0239-4278. Russian text with a summary in English and Polish.

Varvara Vovina, Rosyjska Akademia Nauk, St. Petersburg, Rosja.

Материал русских летописей важен для понимания того, каким виделся христианским книжникам XII-XIII вв. мир кочевых народов и многовековые отношения степняков со славянами. Для анализа нами взяты тексты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей.

Летописи составлялись как душеполезное чтение для христианина. Это текст, полный условных символов и формальных характеристик. Все нехристианское, имеющее отношение к язычеству или к исламу, служило только для показа тех напастей, с которыми приходится сталкиваться человеку в этом мире.

Рассказы о печенеггах, половцах, болгаргах, „черных клобуках” (торках, берендеях и др.) и татаргах можно найти в *Повести временных лет*, которой начинаются и Лаврентьевская и Ипатьевская летописи. Но летописцы нигде не подчеркивают, что речь идет о кочевниках. Прежде всего, эти народы характеризуются как носители чужой, нехристианской культуры. На протяжении всей *Повести временных лет* можно встретить краткие замечания типа: „половцы законъ держать отецъ своих: кровь противати, а хвалящеся о семь, и ядуще мерьтвечину и всю нечистоту, хомъки и сусолы, и поймають мачехи своя и ятрови, и ины обычая отецъ своихъ”. Здесь делается акцент на двух аспектах: отсутствии (христианской) морали и нечистоте, понимаемой буквально, то есть как поедание диких зверей. Особой чертой, присущей язычникам, и в ранних и в поздних летописях видится следование законам отцов, вместо христианских заповедей. Говорится также о том, что и печенеги (о которых сообщается, что впервые они пришли на Русь в 915 г. и заключили мир с князем Игорем) едят „непотребное”, или болгары „творят блуд” со своими маче-

хами, или, что один из половецких ханов перед битвой воет по-волчьи и слушает ответный вой волков. Перед нами фиксирование отдельных культурных признаков, направленных на то, чтобы показать степные народы как дикую силу, которая ближе к природным стихиям, чем к человеческим существам. Больше всего материала такого рода о половцах, особенно за XII век. Некоторые из таких свидетельств очень любопытны, например, упоминание о мужебасурманине у хана Кончака, который „стрелял живым огнем”.

Степные соседи Руси не рассматриваются как «исторические» народы. Их нет в предыстории европейских племен, которою начинается *Повесть временных лет*. Но их происхождение все же объясняется в конце рассказа о жестоком разорении половцами Киево-Печерского монастыря в 1096 г. Это вольное переложение *Откровения Мефодия Патарского* о 8 коленах, бежавших в „пустыню Етривскую” между востоком и севером, и о „заклепанных” в горах Александром Македонским „нечистых” человеках. Некоторые моменты в этой истории добавлены самим летописцем. Говорится со ссылкой на сообщения „других”, что болгары происходят от дочери Лота, якобы зачавшей от своего отца, отсюда, поясняет летописец, идет их „нечистота”. Печенеги же, торки, половцы и туркмены – это потомки Измаила. Таким образом, дикость печенегов и половцев объясняется по летописи их отдельным от всех других народов происхождением, детерминирована врожденными качествами, которые не могут быть изжиты.

В рассказах *Повести временных лет* кочевники нигде не показаны самостоятельной силой, они в летописи, скорее, пассивны и являются карающим орудием, „бичом Божьим”, как, например, засуха или пожары. Поэтому они даже нигде не осуждаются за свои действия. Так, под 1093 г. сообщается о половецком полоне, бредущем „стражюще, печални, мучими, зимою оцъпляеми, въ алчи и в жажи и в бѣдѣ, опустнѣвшие лица, почернѣвшие телесы” и вслед за этим описанием следует риторическое восклицание: „Да никто же дерзнетъ рещи, яко ненавидими Богомъ есмы! [...] Кого тако почель есть, яко же ны прославиль есть и възнесль?”

С другой стороны, летописцы подчеркивают простодушие и доверчивость кочевников. Русские князья постоянно обманывают их, и это почитается умом и доблестью и никогда не порицается. Примером могут служить рассказы об осаде печенегами Киева в 968 г. (юноша, говорящий „по-печенежски”, сумел выйти из осажденного города и пройти через печенежский стан, чтобы предупредить воеводу Претича об опасности, грозящей городу, при этом он говорил, что ищет коня), под 997 г. о *Белгородском киселе*, заставившем печенегов снять осаду города (они думали, что в Белгороде есть колодцы, питающие жителей из земли), о пленении половецких послов в 1093 г., об убийстве ханов Итларя и Кытана. Пленение и убийство послов, в том числе позднее и татарских, нарушение соглашений, упоминаются несколько раз и расцениваются как разумные поступки, предупреждающие неизбежные предательство и «лукавство» противников. Особенно показателен рассказ под 1095 г. Половцы Итларь и Кытан пришли мириться к Владимиру Мономаху в Переяславль. Дружина

стала подговаривать Владимира перебить половцев. Князь сначала не хотел этого делать: „Како се могу створити, ротъ с ними ходивъ”. Но он получает ответ: „Княже! Нету ти в томъ грѣха; да они всегда к тобѣ ходяче ротъ, губять землю Русьскую, и кровь хрестыянску проливають беспрестани”. Далее говорится об убийстве Кытана, а затем очень подробно излагается явно рассказ очевидца о том, как Итларя, спавшего в городе на дворе одного из дружинников, княжеские отроки позвали в натопленную избу якобы обуться в тепле и заветрачить. Как только Итларь вошел в избу, его заперли. Сын хозяина разобрал крышу и сверху застрелил Итларя из лука прямо в сердце, после чего была избита и вся его дружина. Затем Владимир вместе с киевским князем Святополком Изяславичем пошли к вежам и взяли богатую добычу: „и полониша скоты и коне, вельблуды и челядь, и приведоста я в землю свою”. То есть, по сути, целью убийства князей и нападения на их вежи был грабеж и захват рабов. (Аналогичный рассказ присутствует и под 1103 г.) В этом смысле русские князья действуют так же, как и сами половцы. Олег Черниговский не пошел со Святополком и Владимиром, за что они разгневались на него. Олега упрекнули в том, что у него живет некий „Итларевич”. Вероятно, речь идет о сыне убитого Итларя. У Олега он жил, возможно, в заложниках. Обмен детьми как условие мира упоминается в самом начале этого рассказа. Владимир дает Кытану своего сына Святослава. Теперь князья требуют от Олега убить Итларевича или выдать им. Но Олег не слушает их, хотя Итларь уже убит. Очевидно, позиция Олега была в отношении половцев вообще несколько иная. Он неоднократно обвиняется в летописи в том, что хочет помогать «поганым», дружит с ними.

С другой стороны, в летописных рассказах просвечивает определенная гордость врагами русских князей и желание показать половецких князей смелыми и сильными воинами. Это главным образом касается именно половцев, с которыми у русских князей в XII в. уже сложились прочные отношения вражды-дружбы. Примером могут служить рассказы о Боняке и Аэпе, об Алтунопе. Хан Боняк и князь Давыд Игоревич вместе пошли на угров в 1097 г. Во время остановки на ночлег, Боняк в полночь воет по-волчьи, и волки отзываются на его призыв, что понимается как знак победы над уграми¹. Так и получается. Важную роль в победе играет некий храбрый Алтунопа, который неоднократно заманивает угров, пробегая перед ними и стреляя. Победа половцев и русского князя явно одобряется летописцем, сообщая, что они два дня преследовали венгров и убили их множество, в том числе епископа Купана и многих бояр. После Долобского съезда князей, предпринятого в 1103 г. для собирания похода на половцев, Алтунопа погиб. В тексте специально подчеркивается, что половцы послали его в дозор, ожидая прихода врагов, поскольку он славился у них мужеством. Его окружили русские сторожа и убили. Это – героическая смерть.

¹ Ср. в *Слове о полку Игореве*: „Гзак бежит серым волком, Кончак ему след правит к Дону Великому...”

Стремлением похвалиться врагами русских князей объясняется желание летописцев подробно перечислять имена всех половецких ханов, принимавших участие в битве, убитых или взятых в плен. *Повесть временных лет* содержит богатый материал такого рода, с указанием отчеств и отношений родства, как это делалось в отношении русских князей. Так, в *Поучении Владимира Мономаха*, входящем в текст Лаврентьевской летописи под 1096 г., сообщается, что Владимир 19 раз заключал мир с половецкими князьями, отпустив из плена двух братьев Шаруканя, трех Багубарсовых (выше у том же тексте упоминаются по именам два брата Багубарса Асинь и Сакзь), четырех братьев Осеня – всего 100 князей (явное преувеличение). Сам же он пленил живьем князя Коксуса с сыном, Аклана, Бурчевича, Таревского князя Азгулуя и других. Вместе с Алтунопой в 1103 г. погибли 20 князей: Урусоба (очевидно, старший из князей, так как летописец даже вкладывает в его уста прямую речь и показывает, что он боится прихода русских князей, так как половцы „много зла” сделали Русской земле), Кчий, Арьсланапа, Кинатопа, Куман, Асуп, Курток, Ченегреп, Сурьбарь и другие, а Белдюз был взят в плен. Под 1107 г. сообщается о гибели в битве с русскими князьями Таза, брата Боняка, а также упоминается мекий Сугра. Летописец хорошо разбирается в родословных половецких князей. Так, в рассказе о том, как Владимир Мономах женил своего сына Юрия на дочери хана Аепы, он поясняет, что эта княжна была внучкой князя Осеня. Олег же Черниговский взял за своего сына дочь Аепы и внучку Гиргеневу. Знает летописец и географию половецкой степи. Под 1116 г. в Ипатьевской летописи перечисляются „грады” на Дону: Сугровъ, Шарукань², Балинь.

Большое внимание уделялось в *Повести временных лет* и ее продолжениях также всем случаям родства русских и половецких князей. Таковы упоминания о породнении Святополка Изяславича и Тугоркана, о дочерях Аепы, данных в жены одна Боняку (под 1096 г.), две другим – сыновьям Олега Черниговского и Владимира Мономаха (под 1106 г.), о „вельми красной” жене Ярополка Владимировича – дочери ясского князя, о женитьбе Андрея Владимировича (Андрея Боголюбского) на внучке Тугоркана, об Игоре Святославиче и Кончаке, Мстиславе Удалом и Котяне. Рассказ о смерти тестя киевского князя Святополка Изяславича Тугоркана помещен под 1096 г. Он пал в битве со своим зятем, и Святополк забирает его тело „яко тестя своего и врага” и привозит в Киев, погребает его на Берестове, загородном княжеском селе, расположенном неподалеку от Печерского монастыря. Под 1117 г. сообщается о смерти Аепы (как родственника русских князей), отравленного булгарами, выславшими им питье с отравой, когда половецкие князья пришли к ним.

Особенно богат подробностями рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г., сохранившийся в двух вариантах: в Ипатьевской и Лав-

² Вероятно, название происходит от имени упоминающегося в летописях хана Шаруканя.

рентьевской летописях³. В обоих текстах отразилось как южнорусское, так и севернорусское летописание. Рассказ *Лаврентьевской летописи* (далее – *Лавр.*) более краток и, как можно судить по ряду деталей, осуждает черниговцев. Вероятно, тут отразился княжеский летописец Владимира Глебовича Переяславского, как это предположил еще А.А. Шахматов. Так, по тексту *Лавр.* Владимир Глебович едет к половецкому рубежу в сторожах. А по *Ипатьевской летописи* (далее – *Ипат.*) он только лишь хочет ехать, но ему не разрешает сделать это князь Игорь Новгород-Северский. Возможно, именно это реальное столкновение, известное нам благодаря *Ипат.*, объясняет негативное отношение к Игорю и другим черниговцам в *Лавр.*

Оба рассказа показывают близкое знакомство летописца с географией половецкой степи (лучшее, чем в *Повести временных лет*). *Ипат.* несколько раз сообщает, что Игорь идет на встречу половцев к реке Хоролу, становится на Хороле, половцы посылают послов с Хорола и т.д. Эта река оказывается границей половецких владений. Особенно подробен рассказ под 1184 г. о том, как русские князья не обнаружили хана Кончака, стоявшего за высоким берегом в долине, пока не переправились через реку. Упоминаются как пограничные объекты также Инжир брод, река Сюоурлий⁴.

Далее, можно отметить близкое знакомство летописца с особенностями вооружения и способа боя половцев. *Ипат.* сообщает о „басурманине“, стрелявшем „живым огнем“ в войске Кончака (позднее он был взят в плен русскими князьями). Говорится и о половецких луках-самострелах, которые должны были натягивать пятьдесят человек. Половцы Кончака, как ранее и Алтунопа, вызывали русских на бой, подъезжая к ним и пуская стрелу, а затем, скача назад. Наконец, Игорь оказался в плену, поддавшись на уловку половцев, которые притворились отступающими и дали себя преследовать, из-за чего русские князья не могли сразу тронуться в обратный путь.

Обращают на себя внимание и перечисления имен половецких князей (часто с отчествами, как у русских князей), знакомство с их генеалогией. Перечень половцев, убитых и взятых в плен киевским князем Святославом Всеволодовичем, отличается в *Лавр.* и *Ипат.*, несмотря на черты сходства. Обе летописи называют Кобяка, хана лукоморских половцев (*Ипат.*: „Кобяк Карлыевич“), Изая (*Ипат.*: „Изай Билукович“), Осалука, Барака, Тарха, Данилы, Тарсука. В *Ипат.* названы еще Товляй с сыном и брат его Бокмиш, Содвак Кулобичский, убитый вместе с Тарсуком Коряз Калотанович. В *Лавр.* упомянуты Глеб

³ Это событие легло также в основу сюжета знаменитого *Слова о полку Игореве* [далее – *Слово*], споры о времени создания которого до сих пор не окончены. Сходство рассказа *Слова*... с рассказом Ипатьевской и Лаврентьевской летописей обнаруживают важные аргументы в этом споре.

⁴ В *Слове* говорится о владениях половцев слишком обще: „Поморие и Посулие и Сурож и Корсунь“. Все это земли, откуда спешат разбуженные Дивом половецкие войска. Само же столкновение с войсками Игоря по *Слову* происходит на берегу реки Каяла, которая в летописном рассказе не упоминается. Уже давно высказывалось предположение, что это искажение от названия реки Калки, где в 1223 г. произошло первое сражение русско-половецкой рати с татарами.

Тирьевич, Ексна, Алак, Тоглый, тесть Давыдов с сыном, Тетий с сыном и Турундай, Кобяков тесть. Особо отметим здесь два явно христианских имени: Данило и Глеб Тирьевич. Вероятно, речь идет о полукровках, имевших матерей-христианок. Были и другие случаи отдачи русских девушек в жены половцам, поэтому хан Тоглый оказывается тестем князя Давыда (очевидно, Давыда Смоленского). Упомянем также христианское имя половецкого мужа, помогшего Игорю бежать из плена: *Лавр*⁵.

В летописи вспоминаются и древние половецкие князья: Боняк и Шарукан, разгромленные внуками Ярослава Мудрого в 1107 г.⁶ Кроме того *Ипат.* упоминает хана Обовлы Костуковича, который под 1183 г. упомянут как шедший воевать Русь с четырьмястами воинов, но обращенный в бегство.

Но наиболее интересный список находится в середине рассказа о битве Игоря. Русские князья по *Ипат.* поутру увидели половецкие полки, которые шли “аки борове” (как лес), так как тут пришла „вся земля половецкая”: Кончак и Коза (*Лавр.*: Кза; *Слово*: Гзак), Бурнович и Токсобич, Колобич и Етебич, и Теретробич. Заметно, что за исключением имен старших ханов, летописец называет лишь отчества, то есть он знает, к какому роду принадлежали ханы, даже не зная их собственных имен. Игоря взяли в плен Тарголовы, муж по имени Чилбук, а Всеволода Трубчевского Роман Кзич (также христианское имя), Святослава Ольговича – Елдечюк в Вобурцевичех, а Владимира – Копти в Улашевичех. При этом Кончак поручился за Игоря, „свата своего”⁷. Далее в *Ипат.* содержится рассказ о почетном плене Игоря, не знающего у Кончака отказа ни в чем, даже в православном священнике, специально для него написанном из Руси. Бегство Игоря, тем не менее, связано с подозрением его бояр о готовящемся убийстве князя и их советом бежать с Лавром, предложившим свою помощь⁸.

Наконец, стоит отметить упоминание в *Лавр.* и *Ипат.* черных клобуков – союзников черниговских князей. Под 1183 г. говорится о том, что Игорь, идя к Хоролу, взял на помощь Кулдюрю с Кунтувдеем. Последний („Кунтугдый”) затем посылается в погоню за Кончаком. А Святослав Всеволодич Киевский посылает за половцами в погоню „берендичей” (берендеев). Игорь позднее просит у брата, великого князя Черниговского Ярослава в помощь „Ольстина

⁵ В *Слове* он упомянут как Овлур. Вероятно, что последнее – половецкая форма христианского имени Лавр (возможно и обратное).

⁶ В *Слове* говорится, что половцы „делают мечь Шароканю” (а не мечь за Шаруканя) и поют „время Бусово”. Существующее толкование „Буса” как антского короля Боза, казненного готами в VI в., кажется сомнительным. Более вероятно, что речь идет о имени какого-то половецкого хана, раз он упомянут вместе с Шаруканом. Может быть даже, это – искажение от Боняка.

⁷ Сватом Кончака Игорь стал позднее, когда его сын женился на дочери половецкого хана. С этой фразой *Ипат.* перекликается выражение *Слова*, о том, что русские князья „сватов напустили, а сами легли в землю половецкую”, которое, возможно, нужно понимать буквально, а не как поэтическую метафору.

⁸ В *Слове* эта часть как будто сокращена, поэтому получилось неясное упоминание о том, что Овлур „велит князю разумети: князю Игорю не быть”!

Олексича с коуи черниговскими”. Можно предположить, что этот Ольстин Олексич – сам ковуи. Но его имя – христианское (очевидно, производное или от Александра, или от Алексея). Впоследствии именно эти ковуи сыграли роковую роль в пленении Игоря. На второй день битвы по Ипат. они возмутились и побежали, а с ними некоторое число „простых воинов и боярских дружинников”. Под „простыми” имеются в виду пешие, так как выше в тексте говорилось, что князья спешили, чтобы быть наравне с „простыми”. Ковуи же названы „стрелками”, и когда говорится о том, как Игорь расставил полки, сообщается, что один из полков – ковуи с Ольстином. Увидев бегство этого полка, Игорь помчался⁹ в погоню, далеко отъехал от русских полков и был пленен. При этом из бежавших вернулся только „Михалко Юрьевич”, скорее всего один из „боярских дружинников”, но, возможно, и ковуи.

Итак, если *Повесть временных лет* показывает кочевников в основном как неведомо откуда взявшееся Божье наказание, то материал русских летописей XII в. дает нам представление о близком и подробной знакомстве летописца с их образом жизни, родословиями и обычаями. Вопреки желанию летописца мы видим, как постепенно на княжеском уровне происходило сближение русских (в основном черниговских и киевских, вообще южных князей) и половцев, возникала во многом единая русско-половецкая среда.

EASTERN EUROPEAN NOMADS IN RUTHENIAN CHRONICLES

Summary

In the Ruthenian chronicles of the 12th and 13th centuries there is a lot of important information concerning relations of the steppe peoples with the Slavs. In the present paper there are texts of Lavrentievskij and Ipatievskij chronicles as well as Tverskij Zbornik analyzed. In these chronicles one can find stories about the Pechengs, Polovtsians, Bulgarians, Chomyje Klobuki (Torks, Berendeis and others) and Tatars. There is no emphasis in the chronicles that these peoples were nomads, what is, however, stressed, is their cultural diversity and non-Christian religion. The majority of this material, especially from the 12th century, refers to Polovtsians. Some of these stories are very interesting, e.g. the one telling a story of a husband – a Muslim at khan Konczak's, who 'fired with tongues of fire'.

Nomads are perceived as the 'scourge of God'. They are cruel and warlike. Ruthenian dukes (Igor, Svyatopolk, Oleg Czernihovskij), who call them for help, are of similar nature. As 'wild' peoples, they are not even specifically condemned for these features, which is illustrated by a story about a Pecheng duke who made a goblet out of a skull of a dead duke – Sviatoslav.

On the other hand, chronicles emphasize simpleheartedness and gullibility of nomads. Ruthenian dukes constantly lie, which is perceived as wisdom and is fully acknowledged. As an example, one can analyze a story about the siege of Kiev by the Pechengs in 968, about the killing of khans Itlar and Kytan. Events such as taking envoys captive and later killing them, later on even the Tatar ones, and violating treaties are mentioned a few times and treated as wise actions, anticipating undoubted betrayal and 'deceitfulness' of the enemy. Ruthenian chronicles want to portray Polovtsian dukes as brave and strong warriors. It mainly refers

⁹ См. в *Слове*: „Игорь полки заворочает...”

to the Polovtsians, who, over the 12th century, had both hostile and friendly relationships with the Ruthenian dukes as it is visible in stories about Boniak, Aepa and Altunopa. This is closely related to the fact that the chronicle authors wanted to list names of all Polovtsian khans taking part in battle, killed, and taking captive. *Novel of the Past Years* includes a large material of this type.

A great attention is also paid to all the cases of kinship between Ruthenian and Polovtsian dukes. The kinship of Svyatopolk Izaslavicz and Tugorkan (as a result of killing him and burying according to all respect standards as a 'father in law and an enemy'), Aepa's daughters, very beautiful wife of Yaropelk Vladimirovich, Andrzej Vladimirovich and Tugorkan's daughter marriage, Igor Sviatoslavicz and Konczak, and others are mentioned.

The chronicles mention also their onw 'pagans'. Ruthenian dukes' allies, called Chornyje Klobuki. The most frequently mentioned are Torks fighting together with Ruthenian dukes against the Polovtsy. There is also an important piece of information about Kovuje of Czernihov ina story about Igor Sviatoslavovicz's raid against the Polovtsy.

Ruthenian chronicles constitute an important source of knowledge to get to know the situation in Eastern Europe at a time when such culturally and politically diversified forces met there. Their fight had a great historical meaning with one of the most important results, namely the establishment of the Moscow state.

KOCZOWNICY EUROPY WSCHODNIEJ W LATOPISACH RUSKICH

Streszczenie

W latopisach ruskich XII i XIII w. znajduje się wiele ważnych informacji dotyczących wzajemnych relacji ludów stepowych ze Słowianami. W niniejszej pracy zanalizowano pod tym względem teksty latopisów Ławrentiewskiego i Ipatiewskiego oraz *Zbornika Twerskiego*. W latopisach można znaleźć opowieści o Pieczyngach, Połowcach, Bułgarach, „Czarnych Kłobukach” (Torkach, Berendejah i in.) oraz Tatarach. Nigdzie jednak w latopisach nie podkreśla się, że są to koczownicy, a jedynie akcentuje się ich odmienność kulturową i niechrześcijańską religię. Najwięcej tego typu materiału, zwłaszcza z XII w., dotyczy Połowców. Niektóre z tych opowieści są bardzo interesujące, jak na przykład o mężu-bisurmaninie u chana Kończaka, który „strzelał żywym ogniem”.

Koczownicy jawią się jako „bicz Boży”. Są okrutni i wojowniczy. Takimi również są ci ruscy kniaziowie, którzy wzywają ich na pomoc (Igor, Światopelk, Oleg Czernihowski). Jako narody „dzikie” nie są nawet szczególnie potępiane, czego przykładem może być opowieść o kniaziu Pieczyngów, który zrobił sobie puchar z czaszki zabitego kniazia Światosława. Z drugiej strony latopisy podkreślają prostoduszność i łatwowierność koczowników. Ruscy kniaziowie ciągle okłamują, co poczytuje im się za mądrość i w pełni aprobuje. Przykładem mogą tu być opowiadania o oblężeniu Kijowa przez Pieczyngów w 968 r., o zabójstwie chanów Itlara i Kytana. Wzięcie do niewoli i zamordowanie posłów, w tym później i tatarskich, naruszenie porozumień, wspomniane jest kilkakrotnie i oceniane jako postęпки rozumne, uprzedzające niewątpliwą zdradę i „podstępność” przeciwników. Przy tym jednak latopisy starają się pokazać kniaziów połowieckich jako śmiałych i silnych wojowników. Dotyczy to głównie Połowców, z którymi w XII w. łączyły kniaziów ruskich stosunki raz wrogie, a raz sojusznicze. Przykładem mogą tu być opowiadania o Boniaku i Aepie, o Altunopie. Z tym związane jest dążenie autorów latopisów, aby dokładnie wymienić imiona wszystkich chanów połowieckich biorących udział w bitwie, zabitych i wziętych do niewoli. *Powieść minionych lat* zawiera obszerny materiał tego rodzaju.

Wielką uwagę przywiązuje się także do wszystkich wypadków spokrewnienia kniaziów ruskich i połowieckich. Wspomina się o spokrewnieniu Światopelka Izaslawicza i Tugorkana (w następstwie zabicia go i pochowania z honorami jako „teścia i wroga”), o córkach Aepy, o bardzo pięknej żonie Jaropelka Władymirowicza, o małżeństwie Andrzeja Władymirowicza z córką Tugorkana, o Igorze Światosławiczu i Kończaku, Mścisławie Udałym i Kotjanie.

Latopisy wspominają też o „swoich poganach”, sojusznikach kniaziów ruskich, zwanych „Czarnymi Kłobukami”. Najczęściej mowa jest o jednym z plemion, mianowicie Torkach, walczących wspólnie z ruskimi kniaziami przeciw Połowcom. Ważna jest także wzmianka o czernihowskich Kowujach w opowieści o pochodzie Igora Światosławowicza przeciw Połowcom.

Latopisy ruskie są ważnym źródłem poznania sytuacji w Europie Wschodniej w tym momencie, gdy spotkały się tam różne siły odmienne kulturowo i politycznie. Ich starcie miało ogromne znaczenie historyczne. Jednym z jego następstw było powstanie państwa moskiewskiego.